

Сергей Кузнецов

Ямбург

Сергей Кузнецов

Ямбург

«Автор»

2026

Кузнецов С. И.

Ямбург / С. И. Кузнецов — «Автор», 2026

Книга про жизнь и трудовые подвиги в условиях Крайнего Севера.
Показан характер человека в преодолении природных стихий для развития
Ямбургского газового месторождения.

© Кузнецов С. И., 2026

© Автор, 2026

Сергей Кузнецов

Ямбург

ЯМБУРГ

Впереди засветились огоньки, много огоньков. Всегда при видимости этих факелов (сжигание попутного конденсата, идущего вместе с газом) спрашивали, почему они горят. На тот период не было решения, то есть не подошли технологии и не хватало времени позаботиться о них. Это виднелось Уренгойское месторождение... Еще около трехсот километров пути, и — о, о! — Ямбург!

Колонна состояла из двадцати двух единиц техники, что включала в себя плетевозы, бензовозы, «Кировец» как сварочник, полуприцепы и другую технику. Передвигались с Белого Яра на Ямбург. Мы, специализированное управление под номером шесть, получили работу на втором ГП, на монтаж трубопроводов-шлейфов. И были рады, чувствовали себя первопроходцами.

Настроение было приподнятое, хотя в дороге мы были около трех суток. И вот — Ямбург! Это тундра, но терриконы снега, образовавшиеся от постоянной расчистки снега большими бульдозерами «слонами», не дают никакого ориентира. Где-то попадаются деревянные таблички с указанием направления, где-то же их нет вовсе, потому приходится двигаться наугад. Меня еще к тому же назначили старшим колонны. У меня под «седлом» было две машины: это Семечкин на бензовозе и Потанин на бортовом «Урале». Эти водители считались лучшими и были мне рекомендованы еще в конторе. Почему-то остался у меня эпизод, когда мы остановились перекусить. Я же никогда не думал о том, что есть, что пить, и меня они все угощали. Да и вообще они относились ко мне очень хорошо. Я же с ними был добр и не проявлял и толики власти. Только недавно прочел: «Хочешь вести людей за собою — иди вслед за ними». Вот раньше Я этого не знал и просто шел за ними, и все получалось. Нужно командовать тогда, когда это необходимо: то есть в сложной ситуации брать ответственность на себя, проявляя притом инженерную смелость и показывая грамотность и характер. На досуге же быть с ними ровней, пресекая услужливость, тем самым обезопасив себя от льстецов и барства у власти, что очень опасно, потому как расхолаживает самого себя. Не видишь четкой картины происходящего. В высших учебных заведениях мы не обучаемы управлению подчиненными нам. Ведь для того, чтобы научить, нужно до того или самим управлять, или быть управляемыми, чтобы затем научить других. Лекторский состав не проходит эту школу, школу по учительствованию властвовать, или, проще сказать, управлять людьми. Потому среднее звено специалистов как бы терпит определенные неудобства в командовании людьми, потому как они самоимовымышленные в социалистическо-производственном лагере. В демократическо-рыночных же производственных отношениях человек как шпунтик-винтик-раб, бессловесный, безвольный инструмент работает монотонно, без огонька. Результатом своей работы никогда не удивит, всегда средние показатели и никогда не отрицательные. Оттого и монотонная заплесневелость отношений... Мы же подвергались давлению с двух сторон: как сверху, так и снизу. Сверху ставили задачи и требовали их исполнения, низы же как бы сопротивлялись безоговорочному исполнению, выискивая какие-то свои свободы и почитания себя как класса.

В мире рынка, конечно, этого нет. Тогда же это было... На площадке находилось от трех до шести итээровцев, но повиновались одному, и потому, может, каждый стремился к этому одному.

Никогда же не приспособливал себя к жизни, но в то же время с незапамятного времени готовил себя принимать молниеносные решения в сложной, иногда в наисложнейшей

обстановке. Потому чувствовал себя наиболее уверенно, даже куражно в ей, в это — чрезмерно-опасно-ответственно-значимой ситуации. Это как бы меня заряжало...

Именно это и ложилось, оставалось в Душах наблюдавших за моей поступью и мною принимаемыми решениями. Они как бы задерживались, зацеплялись в их памяти надолго. Понятно, все это действовало на каждого по-разному, притом деля окружение на своих и чужих. Так вот те, которые чужие, они меня держали в постоянно боевом духе, в боевой готовности, и это противостояние давало рост внутренней силы и более укрепляло меня, нежели те, которые как бы стояли в словах и делах рядом. На первых Я опирался духом, вторые же опирались на меня. Это такая гимнастика для силы характера, характерности, близко к слову и его значению «характерника».

Отвлечшись, задумавшись, но ехать было непонятно куда. Увидели вдаль буровую, поехали в том направлении, в котором она находилась. И там такой узкий заезд. И Я вышел сказать, чтобы подождали следовавшим за нами автомобилям, но, видимо, они не поняли, потому как все находились как бы на автопилоте, управляемы только огоньками стопов да габаритов впереди идущего автомобиля. Да и потом постоянно мелко, и видимость была не особо. Зайдя же в теплушку, стоявшую рядом с буровой, там сидел работяга: ширококостный, грузного телосложения, с тяжелой выпяченной вперед челюстью, смотревший тупо в стол, но на меня даже не взглянул. Я же у него что-то спросил, что-то ему объяснял, он никак не реагировал, даже головы не поднял. У меня появилось навязчивое желание ударить правым крюком, начиная сверху по кругу с выворотом кулака, в его нижнюю левую челюсть, потому как он был чрезмерно грузный и толстокостный, с тяжелым широким подбородком. Мне почему-то всегда хотелось ударить именно крепких, мощных, без зла, так почему-то всегда хотелось посостязаться в удали, и не всегда удавалось удержать этот порыв, как-то отвлечься, позабавиться. Но, на минуту сдержавшись, не спросивши, взявши на столе алюминиевую кружку, изрядно поцанную, и отхлебнувши чифирия, и отвернувшись, типа уходя, но что-то мне мешало, колбасило, видимо, от чифирия, и еще от того непонятно что резко по нотам самолюбия, взрыв внутри эмоций без удержания рассудком. И, развернувшись, с разворота, не смотря, по памяти, по круговому движению руки и тела, и въезжая кулаком по нижней стороне его челюсти с силой на гортанном выдохе, нанес удар. Затем же, опять поднявши кулак с какой-то паузой наверху, как бы набравши силы, по той же траектории, на выдохе, с тем же движением всего тела, как по маслу, но уже более сильно, после чего его голова дернулась и упала на стол. Мой взгляд же направлен был тупо в стол, шершавый, засаленный, наскоро сбитый. Я вышел.

(Позже состояние Души, которое находилось в нем, постараюсь объяснить, уже то подобие того, близкое к тому, которое уже находилось во мне.) Выйдя из бытовки с хотением хоть кого-то найти, у кого-то спросить, но не нашедши, полезши по обледеневшим ступеням, наскоро сколоченным из деревянных досок ступеням буровой, пред тем зашедши вовнутрь, долезши до «вертлюги». И не помню, там все крутилось, точнее будет сказать, проворачивалось. И вот забыл же, там были люди, которые были заняты, потому их и не стал тревожить вопросом, или же там никого не было, не помню. В памяти же у меня надолго остался этот иней: толстый слой инея, он был везде, он так плотно и толсто обхватывал металл, он как бы вырос на нем. Да, это внутри буровой, чтобы вы себе представили. Это около тридцати трех метров на тросах лебедкой поднимается или опускается инструмент, талевая система. Приводится же в движение ротором, таким крупным замком, затвором, «вертлюгой», который удерживает инструмент и вращает его одновременно. Этот агрегат около метра в диаметре. Стенки вышки по краям кое-как укрыты местами шифером. Почему местами? То есть не совсем плотно закрывающие пространство проходящего ветра снаружи, и только там, где нужно периодически добавлять или убавлять инструмент или же уже в зависимости от технологического цикла устанавливать, опуская обсадную трубу, то есть там, где необходимо следить за технологическим процессом и управлять им, более-менее укрыто от ветра и его порывов...

Не нашедший никого, спускаясь уже с лестницы, поднимаю глаза и вижу того мужика, стоящего у дверей и полностью ее закрывающего своим медвежьим телом, с направленным на меня взглядом, хотя Я не заметил в нем злобы. Да, это те богатыри духа, которые попадают на пути, хоть редко, но попадают, и Я благодарен тому Богу, что такие люди есть и иногда они нам преграждают путь. Не прекращая же ни на мгновение свое движение, смотря тупо только в одну точку, как в его Душу, и с резким гиканьем и криком на выдохе наношу удар точно в подбородок. Голова резко дернувшись, мужик какое-то мгновение постоявши, рухнул на зад, не намного поднявши ноги, почти заваливши мне проход. Я же каким-то образом не переступивши, а обойдя его, с трудом открыв придавленную дверь, вышел. Вышедши же на площадку возле буровой, увидел, что весь автопоезд наполовину уже разместился на ней, свернувшись по спирали, потому как площадка была небольшой. На вопрос Потанина: «Сергей Иванович, узнали, куда ехать?» — коротко ответил: «Они не знают». И мы как-то неуклюже стали выезжать. Не знаю, долго ли мы еще кружили, но каким-то образом приехали на второе ГП, где находился наш участок.

Должен все же добавить по предыдущему эпизоду, разяснив его: это не была ссора — это просто выход из состояния затянувшегося покоя, и он необходим нам обоим, и разницы нет, кто кого ударил. Мы в этом диалоге ударяемы одновременно, мы одинаковы до тождества, и мне не единожды доводилось быть в том состоянии, в котором на сей раз оказался он. У нас нет зла в таких ситуациях друг к другу, и мы уважаем себе подобных. Это наша жизнь, и мы ее не пытаемся изменить. Это наш быт, это наш кураж в сложнейших условиях и с людьми с высокой креативностью и харизматикой. Всего лишь мужской диалог, общение духом и состязание в нем.

Все же должны себе представить, что это тундра. Это не только то, что все кругом белым-бело, такая снежная пустыня, но в то же время нет ни женщин, ни спиртного, ни телевизора (вернее, он есть, но почти нет сигнала, то есть не показывает). Нет воды, руки моем с отопления, питьевую завозят за сорок километров. Спал долгое время в сапогах кирзовых, двери никогда не запирали. Люди были разные. Просыпался молниеносно, от открытия двери, потому же и был сразу в боевой готовности, потому в ход и шли кирзовые сапоги. При запертых же дверях преимущество есть у стучавших в нее, потому как открывая ее (а они открывались внутрь), нападавший сразу наносил удар либо кулаком, либо каким другим предметом, мог прийти и с винторезом. Когда же дверь не заперта, он уже напрягается, потому как он еще не знает, что делать, а Я уже знаю. И это очень важно, знаете, как в теннисе при приеме мяча: когда ты знаешь, как его принять, ты правильно ставишь ракетку и точно наносишь удар по мячу. Так же и в этой ситуации. Все это говорю и делал тогда, исходя из опыта, потому как был в разных ситуациях.

Многие читали из вас Джека Лондона о золотой лихорадке, о продвижении на собаках, но главное — это то, что эти территории собирают людей вместе не только из-за длинного рубля, но и благодаря той свободе, которая объединяет нас. Ибо либо стало быть, благодаря ей.

Картина следующая, впервые мною увиденная, хотя мне приходилось начинать на многих других участках: это и Верхнекалымская КС, и КС «Октябрьская», находящаяся в Андрах неподалеку от Оби, и КС «Приозерное». Но ни на одном не подняты тротуары на такую высоту — до двух метров над землей, отходившие от центра в разные стороны, потому названные лучами и обозначенные номерами. Мы, живя, руководили на втором луче.

Приехали за полночь, радовались, располагались, расселялись, много общались.

Теперь же, как художник, разбрасывая по холсту маяки, то есть те впечатления, которые хочет расположить в том или ином месте, так же и Я выборочно разбрасываю по периметру ГП-2 те яркие впечатления, которые остались в памяти, как бы коротко их выхватив. Но не буду чрезмерно близко подходить к каждому из них. Почему? Потому что каждое воспоминание — это все же то же переживание того момента, который происходил в тот момент, и,

должен сказать, что это не совсем легко, или, точнее, совсем не легко... (Что такое прошлое? Мы хотим иногда забыть его всякими методами, но не всегда это нам удастся или совсем не удастся. Вот что же это такое — прошлое? Как и настоящее, рядом с нами в нашем сознании, во времени, в том, в котором мы находимся здесь и сейчас. То состояние Души, которое было в прошлом, иногда превалирует, нагружая и довлея над тем состоянием, которое истертое, как повседневное, не насыщенное усилением и напряжением Души. И потому, если рассматривать во времени, то есть в мышлении как представлении, то не всегда точно можно определить, в каком времени мы находились больше — в настоящем или же в прошедшем, и тем более как в более ярком и насыщенном... Итак, о тех впечатлениях из прошлого.)

Нужно завести плети на шлейфы: двести шестой и двести седьмой. Они от ГП отходили в одном коридоре, но так как генподрядчик, СУ-13, был слабый (у него всего лишь два или три бульдозера на базе сто тридцатого, да и те были на других объектах), потому подготовить, а значит, разгрести снег в зоне монтажа, то есть всей протяженности шлейфа, хотя бы на части его, у него не было возможности. Потому этот вопрос нужно решать самому. Как?

Я же никогда долго не думал, принимал решение молниеносно, и даже не то что не обговаривая его с кем-либо, но даже не просматривал его решение мысленно. «Рекомендую для руководителей: именно не высказывать мысль не только кому-то, но и даже самому себе, как бы оберегая ее, оставляя к той самой мысли еще высоко в сознании, от безусловно-бесформенно-необходимого и не обточенного рассудком, как бы приращение еще новых и наверняка более мощных идей, но также не пропущенных через рассудок, как бы не трогая их рассуждением, тем самым оберегая...»

Гружу три плетевоза по три плети на каждый (плеть — это три трубы, сваренных вместе, около тридцати трех-тридцати четырех метров). Впереди ставлю бензовоз, Семечкин за рулем; на второй бортовой — Потанин; и третий автобус, не помню фамилию водителя, но такой невысокого роста, отважный, всегда с улыбкой и всегда готовый выполнить приказ. Так вот, коль трасса забита снегом, а его около метра, где больше, где меньше, заранее ни о чем не говорю и не совещаюсь с ними. Проезжаю мимо ГП, оно остается справа, дорога заканчивается, упираюсь в заснеженно-занесенную тундру. За все время не произнес ни слова, выходя из машины, сказав только одно: «Следуй за мной». Он, глянув на меня, но ничего не сказавши, постоявши, видимо, стравливал воздух в шинах, тронулся напрямую в тундру и, не проехавши и полутора метров, застрял, ибо мало стравил воздух. Я же, показывая Потанину рукой и говоря притом (говорить сказать это мягко, потому как это тундра, это ветер, и ветер со снегом, похожесть на метель, но метель умеренную), и потому говорил всегда так, чтобы слышали даже те в крайних автомобилях с закрытыми окнами. (Вспомнился рассказ одного из проживающих, работающих в поселке на двойке, услышанный два года спустя: «Был один прораб в СУ-6, так вот он как крикнет, так в другом конце поселка люди с кроватей спадали»).

— Трос, цепляй, оттаскивай.

Все водители смотрели на меня, и каждый ждал команды... Спустив колеса, начали продвигаться на низких передачах.

Немного находился в машине от суетности и неупокоенности Души своей, потому был впереди, проваливаясь в снег, иногда цепляя или отцепляя трос для того, чтобы водитель не вылезал лишний раз и тем самым сокращая время. Да и потом это всегда дешевый авторитет перед народом, и это хоть как-то сглаживает отношение и трудность поставленной задачи.

Снег местами был спрессован, ветер не прекращался. Да он, по-моему, на Ямбурге не прекращался никогда. Снег и ветер, хотя снег и небольшой, мелкий. Машины двигались очень медленно, застревая, та, что сзади, оттаскивала назад, затем опять вперед. И так это продолжалось около трех-четырех часов или же семи-десяти, не помню. Был совершенно мокрый, как снаружи, так и внутри. Мы прошли каких-то двадцать-двадцать пять метров, может, больше. В сознании одно: вперед, крюк, трос, фаркоп, назад, отцепляй, вперед, назад, трос. Все машины

были «Уралы», плетевозы двигались за нами, застревая и оттаскивая сотни и более раз. Мы двигались черепашным шагом, но двигались. И да, медленно, но двигались.

Подошел трубоукладчик, притащив за собою сварочную будку. Из автобуса вышли работники: бригадир Кузнецов Вячеслав, за ним сварщик высокий, плотного телосложения Кузнецов Анатолий, еще два сварщика и один газорезчик — итого пять человек. Кстати, машинист трубоукладчика был тоже Кузнецов...

Бригадир, подойдя ко мне, спросил, как сказавши: «Разгружать?»

— Да, Слав, раскладывай сразу на ростверки, чтобы уже завтра варить.

Подойдя к бензовозу Семечкина, он же, открыв дверь, прислушиваясь: «Семенович, пожалуйста, продолжайте без меня. Я устал, до нитки почему-то промокший». Севши в автобус, уехал в поселок.

Днем же раньше или, точнее, ночь перед этим днем, потому как связь была именно в час ночи (связь устанавливалась через телефонные станции каждого промежуточного города, и потому с Белого Яра — Надым — Ямбург — поселок ГП-2). Так вот, в час ночи позвонил Полуда, уведомив меня, что в понедельник прилетает министр, нужно выйти на трассу... Ответил ли Я что-то или нет, не помню, по-моему, ничего не сказал или сказавши «ши» что-то, положил трубку.

Зайдя в бочку к Кузнецову Вячеславу. Он был единственным бригадиром, и основных работяг было немного: около семи-восьми сварщиков, два или три газорезчика и пара слесарей... Остальные — механизаторы и водители. Он приподнялся (понятно, уже отдыхали), закурил, остальные тоже привстали. Я же без предисловий:

— Звонил Полуда, в понедельник прилетает министр, нужно выйти на трассу...

Молчание. Затем он его прервал вопросом:

— Там же не расчищено, как завезешь плети?

— Плети завести — моя задача, твоя же — разделить бригаду пополам. Одна останется на стеллажах, другая же будет вести монтаж в тундре. Сварку заберете со стеллажей.

Бригадир:

— А здесь чем будут варить?

Я:

— Договорился с дизелистом с СУ-40, он «Кировец» все равно пригоняет на ночь в поселок, так что с его.

(Дизели никто не глушил всю зиму.) (И да, не хватало сварочных постов, и всего лишь два трубоукладчика, двенадцать-двадцать четыре на базе сто тридцатого.)

Утром, выйдя на площадку, картина была следующая: лица были побиты у пятнадцати-двадцати работяг, и разбиты сильно. Это Я говорю как боксер, как много уделивший времени этому ремеслу. Да, дрались часто, но больше по пьяни, и мне неоднократно приходилось в этом участвовать. Но в этот раз, во-первых, на трезвую, а во-вторых, когда: в разгар ночи, после двух ее часов, после трех слов, сказанных мной. И, видимо, участвовали все, хотя жили по разным вагонам...?

Это говорит о напряжении в коллективе, это показывает более чем откровенно то, что моими методами и мои решения не приемлемы. Это выход энергии не напрямую против меня, а между собою, то есть борьба, а точнее, драка — жестокая драка, драка. Несогласие и неприятие тех мероприятий, которых Я требовал. Только сейчас, после сорока лет, мне приходит мысль: а прав ли Я был? У меня всегда был один вопрос перед самим собой: должен решить любую производственную задачу, поставленную мне моим руководителем, и мне не было дела до ситуации в коллективе. К людям относился как к средствам производства, то есть их одушевленность мною не рассматривалась...

Да, такие отношения существуют в коллективах, где сложнейшие условия бытия и отношений... Как управлять такими коллективами? Только личной харизмой и крутым нравом. Никакими другими методами таким коллективом не управишь.

Что важно в этой жизни? Только же, теперича считаю, те отношения, которые мы приобретаем в обществе, нас как-то должны делать лучше, культурнее, грамотнее, образованнее, добрее, чтобы все это приобретенное в социуме внешнем переносить в свою семью, передавать и обучать своих детей. На самом же деле что мы приобретаем, кроме укрепления, ужесточения характера и воли? Есть ли здесь примеры для семьи? Конечно же нет. Можем ли мы перенастраиваться, перевоплощаться в доброго и мягкого? Может, с каким-то промежутком времени, а, а ежедневно с поля боя, возвращаясь в семью, это невозможно. И в течение небольшого вечернего времени это только борьба с собой и ограничение себя как оболочкой доброты, но понятно, она всегда была напряжена.

Одинаковость Души не в великости или малости дел, а именно в ее отношении к тому...

Вспомню Сципион, возвратившись в Рим после разгрома Карфагена, сказавши при том: «Или Рим будет ограничен мною, или Я Римом», и удалился в деревню. Все же хочу продолжить за него, уделить ему больше внимания, и не думаю, что это мое внимание его порадует. Речь хочу повести с тех времен, когда Ганнибал пошел на Рим и, так удачно совершив свой поход, разгромив римлян трижды, особенно на Тразименском озере, где уж явно было видно превосходство как воинского искусства самого Ганнибала, так и воинов, пришедших с ним, в совершенстве владеющих своим ремеслом и наполненных духом. Но Я хочу заострить внимание вот на чем: Ганнибал, однако, не пошел на Рим, имея при том возможности и превосходство в данной расстановке сил, притом всячески подталкиваемый к тому и активно попираемый теми, с кем пришел. Да, он не пошел на Рим, а Сципион пошел на Карфаген и разрушил его до основания. Так кто из них варвар?

Все и во все времена пишут о разрушениях, имея под этим понимаемое так же и нами разрушение зданий, сооружений. А задумывался ли кто из них или из вас о том, сколько погибло людей мирного населения? Ведь это гибель нации. А нация — это как древо, глубоко уходящее своими корнями в ту землю, на которой произрастает. И, вырвав его с корнями, ни на каком другом месте она уже не примется, хоть создай ей самые благоприятные условия. Ибо же это разрушение культуры, всего того, что складывалось веками. А тут пришел такой херой, показать свое херойство перед детьми и женщинами. Кто давал права на такое бесправие? Как же можно поднять руку на слабого, на незащитного? Какой же он герой, какой же он воин? Он самый ужасный преступник с мелкой, ничтожной душонкой. Считаю, что женщины и дети любой нации и любой страны должны быть неприкосновенны и не подвергаться никакому насилию, какая бы ни складывалась ситуация вокруг них, и всегда были под защитой каждого мужчины, если он называется таковым...

Баталов прилетел не в понедельник, а в среду, будучи на тот момент министром то ли замом. К среде же было уже сварено около семисот метров: варили с подваркой изнутри из-за утяжек, потому как толщина стенки была тринадцать, труба пятисот тридцатая, рабочее давление было сто двенадцать с половиной килограмм, потому требования к качеству были высокими. А что такое подварить изнутри — это нужно доставить туда сварщика. Но ладно на стеллажах — это одиннадцать метров, но на трассе — это тридцать три. Сварили типа что-то санок на подшипниках двести третьих, были у них в запасе на шлейф машинки, «болгарки».

Так вот, каждый сварщик из этих трех, даже и крупного телосложения, каким был Кузнецов Толик, «запихивались» внутрь трубопровода путем приваренной полудюймовой трубы к месту монтажа, то есть на тридцать три метра. Назад же вытаскивали трубочом. Каждый раз перед трубой они стояли бледными, как стена. И сейчас только понимаю, что они боялись. Тогда же об этом Я даже не задумывался, качества страха мне не были ведомы. Жаловались мне только на то, что дышать нечем. Я же только сейчас это понимаю: при горении-то свароч-

ной дуги большое выделение углекислого газа и других продуктов горения. Тогда же что-то сказал типа «вентилятор с противоположного конца», как бы не обратил должного внимания на проблему, не вникнув в нее. А это забота о здоровье подчиненных. Не прав Я был.

Да, должен поведать, что ни СУ-8, ни СУ-5 не подваривали трубу изнутри и вышли на трассу только тогда, когда требования к качеству были уменьшены, то есть пиловцы уже не требовали подваривания корня сварочного шва.

Так вот же, делая осмотр всего месторождения, а в частности больше второго ГП, пролетая над нашими шлейфами, министр спросил, что за фирма. Ему сказали: «СУ-6». Прораба ко мне в среду же прилетели и Полуда Борис Матвеевич — начальник управления, и Полонский Илья Маркович — главный инженер треста, и Орлов Виктор Михайлович, как Я уже сказал ранее, начальник участка. Так вот, уже по рассказу Полонского: когда вошел Орлов, Баталов встал, и все руководители встали, притом как бы подтянувшись, и было их около пятидесяти. Он же, протянувши руку Орлову и пожимая ее, сказал при том: «Мне бы таких два прораба, и Я буду спокоен за Ямбург. Хвалю, молодец».

Спустя некоторое время, а конкретнее это уже поздней весной, трубопроводы были уже почти сварены, оставались работы, не связанные с особой сложностью, и потому для меня особо не интересные.

Почему-то всегда решал только сложные задачи. Это еще с института: легкие не решал и не вникал в них, для меня это было чрезмерно трудно — заставить себя делать то, что для меня не представляет интереса.

Стоим как-то в торце второго луча. Прилетело много конторских, и Тарнавский с ПТО, то ли кто другой, поведал следующее: «Орденом Трудового Красного Знамени наградили бригадиров Кузнецова и Сухаревского (он приехал позже со своей бригадой) и начальника участка Орлова». А кто-то из стоящих за спиной негромко: «Это твой орден». Не повернувшись и никак не прореагировав, не понявши, кто сказал. Да, немного больно, все же это осталось во мне надолго, как осадок. Ибо Я к этому долго шел. Да, Я тщеславен и чрезмерно хотел быть героем еще с детства. У меня на какое-то время опустились руки, все стало неинтересным. Да, это слабость, и к этому Я себя не готовил, потому принял удар неподготовленным. Мне захотелось уехать домой, ведь в отпуске не был более двух лет. Но прилетевши в Белый Яр, где находилась наша контора, сказав о своем желании Полуде, на тот момент начальнику управления, он после долгой паузы ответил: «Давай к этому разговору вернемся в течение двух-трех дней, сейчас же не готов ответить».

Через день или два находит меня Полуда на базе и говорит: «Пришли болотоходы ДТ-10П для каждого управления, стоят в Надыме. СУ-5 свой уже утопили в реке, просят нас о помощи, и нам так необходим сейчас болотоход на Ямбурге. Ты же знаешь, ведь тундра стала отходить. Да дело в том, что у нас специалистов, которые на нем учились, никого нет: кто в отпуске, кто уволился, а он сложен в управлении. Дадим тебе двух механизаторов, там еще ГАЗ-71. Перегонишь на Ямбург, а тогда уже поедешь в отпуск». Сказал и ушел. Мне нравились сложные задачи, как уже сказал ранее, и у меня уже не было хандры. А это тысяча километров по болотам вдоль коридора трубопроводов, тысяча четыреста, идущих с севера на юг. Да и потом, как не оказать помощь надымчанам. На следующий же день мы выехали, или, точнее, вылетели на Ми-8 в Надым. Прилетевши, меня встретили очень хорошо и были наслышаны обо мне, ибо попросили помочь вытащить такой же болотоход, который и пришел на нашу контору. До сих пор тот эпизод, когда Я подошел к болотоходу со своими двумя механизаторами и обнаружил, что не было никаких ключей. И только сейчас пришла мысль, сорок лет спустя: почему же Я не попросил масла для двигателя, хотя видел, что там стоит двигатель Д-12 бескартерный, и тогда еще знал, что без нагрузки он расходует очень много масла. И не взявши его — это моя вина. Да, не было воздуха. Он предназначался для блокировки: в том случае, если одна из гусениц соскочит, то посредством ее можно было бы ее заблокировать, и тогда другие гусеницы будут

вращаться. Без этих же булитов со сжатым воздухом такими функциями ДТ-10П уже обладать не будет. К примеру, преодолевая водную преграду, если одна из гусениц соскакивает, то остальные прекращают движение, то есть крутятся те колеса без нагрузки, с которых соскочила гусеница, и в воде мы становимся неуправляемы. Почему же Я не настоял на том, чтобы они обеспечили меня этим? Почему? Мало того, у меня даже мысли не было, чтобы кого-то просить о чем либо, надеялся всегда только на себя. Хотя главный механик просил меня о помощи, то есть вытащить их болотоход, который застрял уже на первой реке от Надыма — это не более пятидесяти километров. (Тогда даже не подумал, что нам нужно пройти тысячу километров.) Да, это был уже июнь или даже июль месяц, и тундра вскрылась, то есть отошли все болота, и в это время все поселки тундры как бы живут на островах, передвижения только на вертолетах. Странно: никогда не готовился в дорогу более пятнадцати минут, и здесь тоже торопился, как будто кто-то подгоняет. Почему-то всегда проявлялась и до сих пор проявляется лень мысли, когда как бы нужно о себе позаботиться. Всегда почему-то считал это неблагоприятным делом.

(Вспомнился еще один эпизод, подтверждающий то, что совершенно не заботился о себе и о своей внешности. В первый месяц моей работы на участке Верхний Казым вели монтаж компрессорной станции. Произошел такой диалог в бытовке. Заходит Полуда, на тот момент начальник участка, и обращаясь к «Хахлу» (такой был по двору, кислород собирал, носил на плече, и другие дела, очень хороший работник): «Приехал Дружинин, у него что-то сломалось, разберись». А мне это не понравилось: я-то был принят участковым механиком, и как бы это мой вопрос, хотя Я и работал еще не полную неделю и как бы не знал, где себя приложить, а тут, казалось, мой вопрос, и тот делегируют не мне. Через некоторое время заходит в бытовку Хахол и просит, чтобы уже Я решил тот вопрос, который был задан ему Полудой, на что Я ответил: «Тебе дали команду — ты ее и исполняй». Время спустя заходит теперь уже Полуда, приведенный Хахлом, и ставит мне ту же задачу, что давеча была дадена слесарю. В бытовке было пару-тройку монтажников, и среди них бригадир Ибатулин, дважды награжденный орденом Трудового Красного Знамени, да даже подавали документы на Героя, но что-то перепутали конторские с отчеством, и награждение сорвалось (об этом узнал уже позже). Да и тогда не знал еще их и об их, потому как работал первую неделю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.